

ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ В ДЕРЕВНЯХ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ ФОЛЬКЛОРНО - ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Основная обрядовая семантика Егорьева дня отражена в названиях «коровий» или «скотий» праздник (Гд., Малое Чернёво 3294-27; Шелопугино 3109-26). К этому дню обычно был приурочен первый выгон скота в поле, совершались обряды, направленные на оберег стада в течение периода пастьбы.

Обрядность Егорьева дня включала в себя: действия на дворе (окропление скотины святой водой, кормление домашних животных, «угощение» дворового и др.); выгон скотины в поле с вербами и иконой; круговое шествие-обход стада на поле; одаривание пастуха – «с рога по яичку»; праздничное гулянье на выгоне с общинной трапезой – «коровам рога замачивают»; исполнение *лирических и хороводных песен, инструментально-хореографических форм*.

Даже если погода была холодная, и на полях еще лежал снег, коров все равно выгоняли. «В поле погуляют [коровы], а потом и домой пригоним. Немного пасут, што первай день. Так ани немножко обходятца – и домой. А потом уже самостоятельно – каждый день в поле ходят» (Гд., Тупицино 4666-01). Если весна была ранняя, теплая, то скотину выпускали в поле еще до Егорьева дня: «А выгоняли, другой раз, до Ёгория ишшѐ выгоняли, а в Ёгорий “роги замачивали”» (Гд., Выселок Жуковский 4657-18). Прежде чем выгонять скотину, рано утром хозяйка ОБХОДИЛА КОРОВУ В ХЛЕВУ, произносила *молитвы и заговоры*: «Вербу нада [взять], свечку, топорик, кусок хлеба – в решето [сложить], в котором нет гвоздей (раньше были решёта плетёные) и обносишь корову решетом со всем этим – с иконкой и со всем. Три раза обносишь и говоришь, што: Егорий-батюшка! Спаси маю милую скатинушку в чистам поли, в зелёных лугах.

Это уже от себя или «Отче», может быть, нада читать. Вот три раза абнесёшь корову и овечик так же обнесёшь (Гд., Полна 4681-43, 44). «В это ришато клали хлебец такой маленький, специальна испячѐнный, и яички два клали, и иконку клали. И вот обхаживали хозяева скот свой ва дваре» (Гд., Тупицино 4666-14).

После совершения обхода хлеб скармливали скотине, давали коровам по кусочку освященного хлеба, выпеченного в «Сороки».

ПОДАВАЛИ УГОЩЕНИЕ «ХОЗЯИНУ» (дворовому) – клали в хлеву несколько кусочков хлеба по числу скотины.

Перед тем как выгонять скотину в поле, под порог хлева закапывали «христовое яичко» (пасхальное яйцо) и топор, чтобы «Христос оберегал» животных во дворе, чтобы была «преграда колдунам».

«После оетат топорик положат [под] оеты варота; топорик и яичка на три дня зарываишь в подворотню так, штобы ляжала там. И три дня скатина далжна хадить через оета всё. <...> Потом ножик уберёшь через три дня, а яичка так и астанетца пусть. Эта тоже, гаварит, хорошо для скатины» (Гд., Полна 4681-44).

«Штобы ни спортили, от порчи от разнай коровам, <...> ещё вот зам[к]нуть корову нада на Егорий – привязать к рагам тряпачку, так и зам[к]нуть эту тряпачку на замок и ключом [закрыть]. И так падаить неотом[к]нута, а падаил – замком отом[к]нул» (Гд., Полна 4681-45).

Хозяйки **ОКРОПЛЯЛИ ХЛЕВ**, прыская святой водой по углам, «святили» подойники – ставили их к иконам. С представлениями о возможной порче скота колдунами, «худым глазом» связан обычай «закрещивать» двери (ставить меловые крестики на дверях дома) в Егорьев день (Пл., Нежадово 4173-18).

ПЕРВЫЙ ВЫГОН КОРОВ В ПОЛЕ проходил очень празднично. Женщины выходили на улицу в новых, нарядных платьях (Пл., Усконицы 4153-11).

На выгон брали с собой икону, ветки вереса («пучок вирясинки») и «вербочку», пучок вербочек, где были свежие вербные ветки и старые – с прошлогоднего Вербного воскресенья (Гд., Крутое 4653- 25). «А вербочку оетую (это-то и мы всё тут делали)

– в первый раз, когда выгоняишь в поле и эту вербочку берёшь с собой» (Гд., Выселок Жуковский 4657-18).

Выпуская скотину из хлева, хозяйка катала по спине коровы пасхальным яйцом (Гд., Добручи 4672-01), произносила *заговоры*. «Перид тем, как сабираютца в поля, параньше выйдешь тожа нямножка. <...> И вот скажешь такие “стишки”. Крёсная гаварила: “Старайтесь весть корову в поля, кагда уже большинство коров приведёно в поля”. И

када вядёшь и гаварить, што:

Коровушки-матушки,

Я вам хазяюшку вяду.

Коровушки-матушки,

Я вам хазяюшку вяду.

Коровушки-матушки,

Я вам хазіюшку вяду.

Ана [корова] будит всегда передом хадить и стада вадить» (Гд., Полна 4681-46, 47).

Рассказы деревенских жителей о заботах, связанных с оберегом скотины и ее первым выгоном, исполнены любовью и нежностью. «Вот соберёмся артелью. Мужики с ружьям – стреляли через коровушек, мы песни поём. А

коровушки вси стану[т] и любуютца на нас. И весело!» (Гд., Новая Зубовщина 4656-38).

ОБХОД СТАДА В ПОЛЕ происходил рано утром, «до солнца». Он представлял собой круговое шествие вокруг стада в направлении против солнца.

«Коровок с иконкай [обходили]. Яички клали пастухам, иконку, у каво кака булачка, лепёшка спечёна – всё положим и идё[м]. Не так, как сонце. Сонце так идё[т], а мы коров вот против сонца абхадиле» (Гд., Новая Зубовщина 4656-38).

По незначительному числу свидетельств, обход мог представлять собой крестный ход по церковному обряду. Чаще рассказывали об обходах без участия священнослужителей, совершаемых только пастухом, пастухом с подпасками или с «охотниками» (мужиками, стреляющими из ружей во время обхода); стариком или старухой (либо одинокой женщиной), всеми женщинами деревни, «всем миром».

Обход совершался троекратно и сопровождался произнесением *молитв, заговоров, пением пасхального тропаря «Христос воскрес»*. Пройдя каждый круг, стреляли из ружей, иногда – также троекратно.

Важное значение имели предметы-символы, используемые в обходе. Среди них:

– предметы христианской символики: икона великомученика Георгия Победоносца или любая другая икона, молитвенник, святая вода, свеча, атрибуты пасхального периода – освященная верба, «пастки», кулич, пасхальные яйца;

– традиционные апотрофеи: топор, ружье, кнут; ветки вереса, «накищенные» (украшенные тряпочками) березовые веники; полотенце;

– предметы, связанные с аграрным циклом: зерна ячменя, хмель, хлеб (кокорки, ватрушки); решето, «севалка» (лукошко, использовавшееся на засева).

Ритуальную еду, и другие предметы складывали в решето (лукошко, севалку) – на дно сыпали жито, сверху клали хлеб, яйца, икону и покрывали белым полотенцем. Во время обхода или после него коров обсевали житом и окуривали вересом. «Кругом обойдя три раз и потом сожгу[т] [вербу] окол коров, чтобы дымом (й)их [обнесло], штобы на коров оетат дымок» (Гд., Подолешье 3141-34).

С магическими целями вырывали у коровы клочок шерсти и бросали в стадо (Гд., Низовицы 3135-21).

Топор и кнут являлись обязательными атрибутами пастуха. Во время обхода он держал их в руках или за поясом. Удары кнута были направлены против нечисти, диких зверей, должны были способствовать дружному хождению скотины в поле.

Только пастух «кнудом щёлкнет – вси, как муравьи, домой идут» (Пл., Андромер 4138-16).

Ружья, как правило, были в руках деревенских мужиков – «охотников». В момент обхода они стреляли из них

для того, «чтобы волк не нападал на стадо». «Потом с ружья – кверху [стреляет]. Так скот-то весь исдрыгнет!» (Гд., Старое Загорье 4657-55).

Магические действия производились и с топором: пастух кидал его через стадо или подбрасывал вверх.

Особое ритуально-магическое значение имели пасхальные яйца. Яйцо кидали через стадо, подбрасывали вверх и примечали – если оно при этом разобьется, то летом будет убыток в стаде. «Два яичка бабки принясу[т] – кину[т] через стада там. Разобьётце яйцо – то значит, это затужу[т], што: “Боже мой, наше стадо розобьётце нынче”, – што это яичко разбилось. А иныший раз кину[т] – и не разбит» (Гд., Старое Загорье 4657-55).

В другом случае так делали для того, чтобы скотина, «как яичко», прикатилась домой, «чтобы коровы дружно ходили», «чтобы скотина не разбредалась».

«Кругом скотины абхаживали. Вот три раза так обойдут и стреляли вверх, и сырым яйцам кидались через стадо. Говорят, штобы коровы лучше хадили, дружнее» (Гд., Тупицино 4666-14). «Кидают крашеными яйцами, пасхальными, у ково есть. Или другие – накрасят свеженьких и кидают через стадо, штобы было всё харашо» (Гд., Тупицино 4666-01).

Символический характер действия усиливался тем, что пастух дважды перебрасывал по два яйца через стадо «крест-накрест», прочерчивая в воздухе крестное знамение (Пл., Горбово 4167-43).

В зоне наиболее активного бытования обрядовых действий с пасхальными яйцами существовали варианты, усиливавшие охранительную направленность ритуала. Пастух (или девушки) кидали яйцо (яйца) через стадо, а мужики (парни) стреляли в яйцо из ружья. Это служило сигналом к тому, что обряд обхода закончен. «Три раза убойдёт [пастух], вербу собирают. Вербу – эту охалку – бросают в речку, а потом кидают яичко. По этому яичу как начну[т] мужуки стрелять! Ну и попёрли коровы все домой, разбегутца» (Пл., Алексино 4143-28).

Пастух обладал значительным обрядовым статусом, связанным с обеспечением охраны стада.

Пастух не занимался земледельческим трудом, мог и не иметь собственного дома в деревне, а жить и кормиться по очереди у каждого хозяина. Во время пастьбы ему, так же по очереди, носили обед на поле. Пастух-лекарь изготавливал снадобья для лечения людей и заболевших коров. Например, приготавливал «муравьиное масло», с помощью которого лечил боль в ногах. В одной из поговорок раскрываются и «негативные», с точки зрения крестьянина - земледельца, стороны пастушества: «Сумка и рог не ломают бок» (Пл., Погорелово 4173-02).

Особый статус пастуха в деревенской общине был связан с его близостью природе и обладанием специальными знаниями, связанными с пастушеством и знахарством: он умел определять время по солнцу, подзывать животных с помощью голосовых сигналов или наигрышем на рожке.

Особыми ритуальными функциями обладали *пастушьи музыкальные инструменты*, которые могли быть использованы и при обходе скотины в

Егорьев день. Хорошие пастухи знали *заговоры*, «заветные слова», помогавшие им в удачном выпасе коров. Некоторые пастухи читали заговор («обход») на одно из животных, которое в процессе выпаса «держало» всё стадо.

После обхода скотины в поле **ПАСТУХА ОДАРИВАЛИ** – собирали «запорно». Каждая хозяйка давала пастуху по одному или по два вареных яйца, пироги, ватрушки. «Вот када пастух убойдёт три раза коров, [он] собирал яицы. С рога по яичку давали.

<...> Подпасок идё[т] с карзиночкой сзади» (Пл., Почап 4143-28). Пастух расстилал на поже скатерть, куда ему складывали принесенные пироги, яйца, обрядовый хлеб – «балабки» (Пл., Лющик 4160-24).

После обхода стада ветки вербы собирали вместе – в «охапку», в «кучу» – и отдавали пастуху, который бросал их в реку. Распространен и другой способ магического использования вербы: ее уносили в лес и ставили в муравейник – в «муравей», в «сяхи», в «сяшник» или «шасник». «А мы всегда – вот выгоним своё стадо коров, вся деревнюшка, и адин старичок в ришето ставит иконку, кладут скоко-та яичек. И мы берём – кладём в оетое ришето яички. Он их обносит – коров. А эту вербочку он снесёт, где муравей большой – в муравей этот вербочку всю вторкнет» (Гд., Выселок Жуковский 4657-18). Когда ставили вербу в муравейник, приговаривали три раза:

«Как муравьи дружны, так бы наши коровушки были дружны» (Гд., Полна 4681-41).

Существовали и другие способы уничтожения вербы: ее зарывали в землю, складывали на камне, сжигали (Гд., Кленно 3300-35).

Через костер прыгали и примечали – кто прыгнет дальше, у того теленок будет лучше. Считали также, что прыгать нужно для того, «чтобы коровы не волочили ноги».

По нескольким свидетельствам, на костре сжигали не только вербу, но также и решето, используемое в обходе. Костер служил местом приготовления обрядовой трапезы – там «варили яйца».

По окончании обхода каждая из хозяек могла забирать вербные ветки и относить их «в жито» – на свою полосу, где были всходы озимой ржи. Делалось это для того, чтобы зерна ржи были такие же крупные, «как у вербы шишечка». Женщины-хозяйки «скакали», «прыгали» через прутья, воткнутые на поле, чтобы «лён высокий рос»; стремились подпрыгнуть повыше, чтобы не захватить вербные веточки подолом. «Эта на поли, в Егорий. Была така примета. Кто-нибудь вторне[т] прут: “Прыгайте, бабы! Штобы лён высокий рос”» (Пл., Алексино 4143-03). Путья, которыми выгоняли коров, хозяйки могли также приносить в дом, ставить в красный угол.

В южной части Псковской области кульминацией Егорьева дня было **ГУЛЯНЬЕ НА ПОЛЕ**, которое устраивали сразу после обхода.

Трапезу делали в складчину: «Сабирають крупу, масла, сала – кто што даст. И тада на поле варють кашу, яички варють, сала тоже жарють» (В.-Л., Лоскатухино 1717-18).

«Еетню жарють, и пастухи умести кушають, выпивають. Полный день так» (Крест., Никулино 3289-43).

На поле выпивали: пастух подавал хозяйкам водку, налитую в яичную скорлупу. «И наливайшь водку у яйцо, у скарлупку у ету. Аккуратна яГо сделаишь, штоб там была, и

всем хызьякам эту водку даёшь» (Кун., Боровка 3290-23).

В д. Лоскатухино рассказывали, что егорьевскую кашу нужно было варить из разных сортов крупы. «Разные-разные крупы. Кто какие дает, все у места, и такая каша была. И пшено, и ячная, и там и гречневый, ну, какие кто даёт. И все у места, и варют такую кашу» (В.-Л., 1717-18).

После окончания трапезы, в которой принимали участие как пастухи, так и женщины-хозяйки, подбрасывали ложки.

«Брасали ложки кверху. <...> Сюда и падают тада ложки, их апать же вазьмут» (В.-Л., Лоскатухино 1717-18).

По одной из мотивировок, это делалось для того, «штоб каровы были дабры, брыкыли, зыкыли» (В.-Л., Никулино 1754-50).

В Куньинском районе егорьевские гулянья получили название «расу топтать». «Расу таптать – приминать траву нада. Бывала, ходють расу таптать туда. Сабиралися маладѣжь, бывала. Женшшины, мужики малады хадили. А как аны там её таптали – ну, проста гуляли, да и всё» (Кун., Мартьяново 2536-36).

Могли устраивать гулянье с плясками под гармошку на ржаном поле.

В Невельском районе в ряде случаев упоминают о пении песен в канун Егорьева дня, когда “подмывали коров”.

Более частые свидетельства о пении песен в этот день на поле во время пастьбы, либо во время угощения – «СКЛАДЧИНЫ», «СКЛАЩИНЫ».

«Ягорий бываит шастога мая, в поле выганіют, тады там бабы гарелку пьють, каровак пасуть и песню эту играють [*«Святой Егорий, где был-пробувал? Христос воскрес, Сын Божий!»*].

Первый раз выганяют ящё тольки, в снегу. Там и пьём, ядём, тады песню играем “Святой Ягорий”» (Нев., Рыжее Сиденье 1799-14). По сведениям из д. Усово, егорьевскую песню пели и в канун Егорьева дня, когда «подмывали коров», и на поле: «Каров выганяим, на поле выходим. Кто яички, кто што несётъ. Приходить адин з ружьём. И з иконай женшчина. И стадо абходим, Усё абходим. И эта женшчина пиет песни, а ён стрилият, штоб валки не падыйшли к скоту. <...> Пра Ягория ана пела. Ну не адна яна йдетъ, там талпа йдетъ женшчин. <...> Ана ж адна не можит идти да песню петь. Уси женшчины, как выганяим кароу» (Нев., Усово 1970-12). Для угощения готовили сырники из творога, толокно.

ИСТОЧНИК:

Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно – этнографического центра. В 2т. – Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002.